

Таким образом, экологическое движение города Нижний Тагил имеет богатую историю. Возникновение первых экологических организаций объясняется, прежде всего, катастрофической экологической обстановкой в городе с 1970-х гг., а также низким уровнем экологической культуры горожан. Неоценим результат природоохранной деятельности первых организаций, которые, во-первых, приостановили процесс загрязнения воздуха и воды, способствовали восстановлению нормального уровня экологической обстановки в городе, а, во-вторых, положили начало экологическому движению, которое продолжается до сих пор.

Источники и литература

1. Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф. 575. Оп. 1. Д. 119. Л. 1–3.
2. НТГИА. Ф. 575. Оп. 1. Д. 25, Л. 1–5.
3. НТГИА. Ф. 575. Оп. 1. Д. 50. Л. 1–6.
4. НТГИА. Ф. 575. Оп. 1. Д. 119. Л. 6.
5. НТГИА. Ф. 599. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
6. НТГИА. Ф. 599. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.
7. НТГИА. Ф. 640. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–3.
8. НТГИА. Ф. 640. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.
9. НТГИА. Ф. 640. Оп. 1. Д. 74. Л. 1–16.

© Жбанов А.А., Шабардина Т.А., 2017

УДК 94(47).084.8:355.018

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МУЖЕСТВЕ РОССИЙСКИХ ВЕТЕРАНОВ ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙН

К. В. Игаева

Аспирант

Нижегородский государственный педагогический университета им. К. Минина

ул. Ульянова, 1, 603005, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

эл. почта: igaeva.ksenia@yandex.ru

В статье рассматриваются представления российских ветеранов локальных конфликтов о мужестве, долге и ответственности, выясняется их зависимость от видов военной службы. Во многом эти представления конструируются социально. Но не в меньшей степени они оказываются выражением глубоко личного экзистенциального опыта и памяти о совместном выживании на войне.

Ключевые слова: военная история, ветераны, локальные конфликты, мужество, военно-историческая антропология, локальные войны.

K. V. Igaeva

THE CONCEPT OF COURAGE IN RUSSIAN VETERAN'S MEMORY OF LOCAL WARS

Nizhny Novgorod State Pedagogical University,

Ulyanova str., 1, 603005, Nizhny Novgorod, Russian Federation

E-mail: igaeva.ksenia@yandex.ru

The article considers the views of Russian veterans of local conflicts on courage, duty and responsibility, and their dependence on types of military service. In many respects these representations are constructed socially. But at the same time they become an expression of deeply personal existential experience and the memory of surviving during the war.

Key words: war history, veterans, local conflicts, courage, military anthropology, local wars.

История локальных войн конца XX – начала XXI в. до сих пор не написана. В связи с этим представляется важным проанализировать мотивацию и представления о мужестве их ветеранов, свидетельства которых оказываются на стыке устной истории и военно-исторической антропологии. Известный представитель последней в России Е. С. Сенявская, определяя представления ветеранов (комбатантов) о мужестве, опирается на философию экзистенциализма. Она использует хайдеггеровское понятие «пограничной ситуации», которая способствует выявлению экзистенции, или способности человека осознать себя как нечто

существующее. Такими пограничными ситуациями могут выступать смерть, страдание, борьба, вина. В подобных обстоятельствах «мужество или совсем покидает человека, или проявляется во всей полноте только в бою» [4, с. 51].

Другой точки зрения придерживается Н. Ю. Данилова, которая рассматривает маскулинность через агрессивность, эмоциональную сдержанность и способность осуществлять насилие [1]. В своих исследованиях она выделяет несколько типов мужественности, которые по-разному реализуются в зависимости от вида воинской службы. Срочники – представители нормативной солдатской мужественности, которые хотя и различаются между собой, но в той или иной степени все ориентированы на выполнение правил. Пиджаки (окончившие ВУЗ и служащие офицерами двухгодичники) – представители маргинальной мужественности, проявляющейся в нежелании следовать традиционным практикам дисциплинирования. Профессионалы определяются традиционными ценностями военного профессионализма [1, с. 12–13]. При этом понятно, что в отличие от Е. С. Сенявской, мужество здесь выступает социальным конструктом, т.е. формируется в процессе социализации личности в обществе.

Похожей точки зрения придерживается Г. И. Зверева, которая пишет, что представления о войне и мужестве навязываются обществом. Мужество здесь выступает продуктом массовой культуры. Утверждаются новые, постимперские и «русско-национальные» идеологемы и мифы, побуждающие общество привыкнуть к присутствию войны в обыденной жизни каждого человека, и даже – полюбить войну [2].

В. В. Серебрянников не так однозначно определил свою позицию, которая оказывается на стыке социального конструктивизма и анализа экзистенциального опыта. В центре его внимания оказывается понятие воинственности (типологию которой он и предлагает). «Одни полагают, что она является развитием биологической, физиологической и психологической агрессивности, унаследованных человеком с ранних этапов эволюции. Другие исходят из признания воинственности как свойства, приобретенного исключительно в ходе социального развития, порожденного социальными отношениями как таковыми, независимо от их характера и типа» [5, с. 83]. Исследователь считает, что только 3–5% населения России можно назвать воинственными на основе их природных склонностей и экзистенциального выбора, или воинами по призванию. Подавляющее большинство (соответственно 40–50% и 30–50%) исследователь относит к двум другим типам – воинам по обязанности и пацифистам. Он приходит к выводу, что воинственность относится к разряду тех человеческих качеств, которые приобретаются в ходе исторического процесса, под влиянием определенных социальных условий, которые могут возникать и исчезать вместе с изменениями в социальной сфере.

Таким образом, в историографии представлено несколько концепций мужества в представлениях ветеранов. В воспоминаниях комбатантов «концепт» мужества – это не окончательно сформированный перечень личных качеств или набор одобряемых поступков. Каждый комбатант вкладывает в это понятие разные характеристики, которые могут даже противоречить друг другу. Респонденты в своих интервью, как правило, не могут отделить понятие мужества от других таких понятийных конструкций, как героизм, подвиг, долг, ответственность и др. Поэтому многие опрошенные склоняются к тому, что мужество – это поступок, совершенный под воздействием некоего внутреннего порыва в нужный момент, что в целом соответствует концепции «пограничной ситуации» Е. С. Сенявской.

С другой стороны, Н. Ю. Данилова права в том, что представления о мужестве напрямую зависят от вида воинской службы. Срочник Леонид на вопрос о мужестве отвечает: «Мужество – была ситуация и пацан поступил правильно». Похожий ответ дает Александр: «Мужество – это когда друзей не предаешь в беде. <...> Совершать такие поступки не то что правильно, а нормально». Таким образом, немаловажным фактором для формирования и репрезентации мужества становится стимул выживания в новых для бойца условиях, что во многом зависит от тех отношений, которые выстраиваются с сослуживцами. При этом представления о долге и ответственности являются одними из самых важных принципов, обеспечивающих сохранение жизни.

Иначе считает ветеран второй чеченской кампании, военный психолог Игорь, служивший после окончания ВУЗа в 1998–2001 гг. лейтенантом-«двухгодичником» в мотострелковом полку (пиджак в классификации Даниловой). Примером личного мужества для меня является командир 2-го батальона подполковник Легенко, который нарушил приказ командира и, жертвуя своей карьерой, отказывался выполнять самоубийственный, по его мнению, приказ, чем спас своих бойцов. Мужество в понимании Игоря, в данной ситуации предполагает отказ от привычных практик дисциплинирования с целью защиты жизни своих солдат.

Алексей, сотрудник МВД, совершивший шесть командировок на Северный Кавказ, может быть отнесен к третьему типу: воинов-профессионалов. Он, как и большинство респондентов, пытается определить понятие мужества в сочетании с близкими понятийными категориями, в частности с героизмом. «Эти понятия у нас государство разделило: совершил не очень большой подвиг – получил медаль за мужество, если очень большой подвиг – звание героя». При этом для Алексея мужество скорее связано с понятием «профессионализма»: «Про таких говорят – и в огонь, и в воду». Профессионализм здесь формируется из двух аспектов: это военный опыт и рациональность мышления. Здесь сказывается влияние социального конструктивизма, – ведь именно государству отводится главная роль по формированию социально-значимых качеств.

Концепция Г. И. Зверевой работает применительно к представлениям о мужестве замполита Константина, который считает, что это понятие «является результатом воспитания и проявляется в мужественности принятия решений». Скорее всего, в понятие воспитание кроется весь процесс социализации индивида, на основе которого формируется перечень коллективно одобряемых поступков. Получается, что мужество, как определяет его Зверева, – это продукт массовой культуры, целью которого является формирование определенных качеств комбатанта, его боеспособности. Это подтверждается ответами других комбатантов (ветеран Афганистана Александр: «Как я приду домой, как братья посмотрят, как девушка посмотрит, как я в школу родную приду»).

Таким образом, мужество в представлениях ветеранов (как, впрочем, и их нарративы в целом [3]) выступает неким конгломератом составных элементов, состоящим из различных мотивов и сформированных как на основе неких врожденных качеств, так и на основе социально ожидаемых установок. При этом каждый ветеран ситуативно выстраивает эти мотивационные конструкции в индивидуальной для каждого иерархии, однако их набор оказывается достаточно фиксированным.

Источники и литература

1. Данилова Н. Ю. Срочники, пиджаки, профессионалы: мужественности участников постсоветских войн // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 5. № 2(31). С. 110–126.
2. Зверева Г. И. «Работа для мужчин»? Чеченская война в массовом кино России // Неприкосновенный запас. 2002. № 6.
3. Николай Ф. В. Память, нарратив и тактики самоидентификации ветеранов локальных конфликтов в России // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 238–251.
4. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М.: РОС-ПЭН, 1999. 348 с.
5. Серебрянников В. В. От воинственности к миролюбию // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 81–88.

© Игаева К.В., 2017